

УДК-32

НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ: СЛУЧАЙ ИРЛАНДИИ*

А.В. Кузнецова¹

В статье анализируются различные этапы совместного развития и взаимовлияния национализма и революции на примере Ирландии. С момента своего зарождения ирландский национализм развивается в обход общеевропейских тенденций, уникальным образом соединяя революционные и консервативные ценности. Автор приходит к выводу, что особенности сочетания национализма и революции в Ирландии объясняются парадоксом колониальной зависимости.

Ключевые слова: ирландский национализм; революционный национализм.

Национализм и революция – два феномена, взаимосвязь и взаимовлияние которых отмечается многими исследователями. Тем не менее их сочетание по-прежнему вызывает вопросы, поскольку является далеко не однозначным и не повсеместным.

С момента своего возникновения и начала совместного развития, национализм и революция сходятся и расходятся, подобно партнерам в традиционном ирландском танце кейли, имея возможность потанцевать со всеми, но никому не обещая танец отдельно. В первом «туре» национализм и революция тесно связаны и определяют взаимное развитие. Этот этап взаимодействия феноменов начинается со времени Великой Французской революции, перед идеологами которой остро стояла задача определения понятия «нация». Но и сам национализм дает импульс развитию революции, и на протяжении XVIII–XIX вв. революционное движение в Европе становится практической реализацией идеологии национализма. Как отмечает Э. Смит, национализм «красной линией проходит через всю новейшую историю ... следом за ним идут протест и революция» [3, 19].

Однако уже в следующем «туре» национализм и революция расходятся, и революционная идеология становится подчеркнуто интернациональной. Так, революции середины XIX в. отличаются от Великой Французской революции постепенным отказом умеренных либеральных сил от революционных методов борьбы. По мнению Э. Хобсбаума, именно последствия революции, продемонстрированные якобинским режимом и стали причиной отказа буржуазии от ре-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00223).

¹ Кузнецова Александра Витальевна – старший преподаватель кафедры социальной и политической конфликтологии, Казанского национального исследовательского технологического университета. Email: akuznets@alumni.nd.edu.

© Кузнецова А.В., 2015

волюционных методов [11, 62]. Кроме того, меняются условия, в которых проходит национальное строительство. Пролетариат становится серьезной социальной силой и обретает собственных лидеров, разрабатывающих идеи революционного интернационализма. К. Маркс окончательно «разводит» революцию с национализмом, заявив в «Манифесте коммунистической партии, что «рабочие не имеют отечества» [14, 61]. Способствуют «разводу» и «охранительные» национализмы, сформулированные династическими государствами в ответ революционно-националистическим движениям и приравнивающие революцию к предательству национальных идей. Таким образом, к концу XX в. в результате радикального разведения феноменов в идеологиях революционного интернационализма и «охранительного» национализма, кажется, что революция и национализм становятся непримиримыми врагами.

Тем не менее, в начале XX в. национализм и революция вновь притягиваются друг к другу. Новая попытка синтеза значительно отличается от предыдущей и выражается в концепции «консервативной революции». Характерным примером данного этапа взаимодействия становится развитие этой концепции в Германии после Первой мировой войны. Несмотря на то, что идеи «консервативной революции» имели ряд общих черт с «охранительным» национализмом, таких как «ностальгия по прошлому и попытка перенесения исторических образцов в будущее» [4, 121], негативное отношение националистов к революции меняется. Освоив терминологию собственных противников, «консервативная революция» вновь объединяет национализм и революцию [1].

На протяжении XX в. синтез национализма и революции продолжает находить отражение в идеологии и практике ряда национально-освободительных движений, таких как революционное движение в Ирландии и национально-освободительные войны в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Этот наиболее современный, впрочем, возможно, не завершающий этап взаимодействия национализма и революции отмечен, среди прочего, политической модернизацией Китая, продолжающейся в начале XXI в. под националистическим лозунгом «социализм с китайской спецификой», и революциями конца 1980–начала 1990-х гг. в Восточной Европе.

Однако в постиндустриальных государствах национализм и революция в этот период не просто расходятся, но и теряют то значение, которое они имели на протяжении двух предыдущих веков, ставя тем самым вопрос о дальнейшей судьбе взаимного существования этих феноменов.

Приведенные этапы взаимодействия национализма и революции в целом соответствуют совместной динамике этих феноменов. Однако в то время как большинство участников «танца» следуют всем «турам», проходимым национализмом и революцией, некоторые из них выбиваются из общего ритма. Примером такого своеобразного исключения из общей европейской картины стал ирландский национализм.

Особенности ирландского национализма не остались незамеченными ведущими исследователями национализма. Так, не обходит вниманием ирландский национализм Б. Андерсон [2], а Э. Хобсбаум пишет об «аномальности» ирландского случая [5, 14]. Исследователи ирландского национализма, в свою очередь, называют его «парадоксальным» и «противоречащим самому себе» [8, 375]. Теоретики революции также указывали на необычное место Ирландии в грядущей борьбе. В частности, Ф. Энгельс называл Ирландию священным островом (*sacra insula*), чьи надежды на будущее могут и не быть связаны с классовой борьбой всего остального мира [9, 394]. Более того, по мнению марксистов, поддерживать национальное движение в Ирландии необходимо, поскольку оно может привести к свержению буржуазного господства в Великобритании. [17, 63].

Во всем многообразии уникальных аспектов ирландского национализма в рамках данной работы нас интересует его взаимосвязь с революционной идеологией и методами борьбы. С этой точки зрения, парадокс ирландского национализма заключается в том, что он всегда был революционен, несмотря на то, что в обществе в целом господствовали консервативные традиции. Эта комбинация революционных и консервативных традиций и сформировало ирландскую нацию.

Истоки революционности ирландского национализма тесно связаны с общеевропейскими традициями начального этапа совместного развития этих феноменов. Так, восстание 1798 г. стало во многом возможным благодаря Великой французской революции и росту национального самосознания европейских стран. Кроме того, отмечается влияние немецкой романтической традиции на возникновение ирландского национализма, а также некоторых идей Дж. Мадзини (Молодая Ирландия). Однако уже на этом начальном этапе проявляется парадоксальность революционности и консерватизма, ибо в ходе Рисорджименто Ирландия занимала и антinationалистическую позицию, симпатизируя Папе Римскому [7, 798]. Не меньшее влияние на развитие ирландского национализма оказала война за независимость США, предложившая колониальной, по сути, Ирландии привлекательный вариант национальной идеи, подхваченный «партией патриотов» в дублинском парламенте (хотя этот вариант на ирландской почве оказался нежизнеспособным).

Одной из причин этого был глубокий разрыв не только между Ирландией и метрополией, но и между жителями самого острова – католиками и протестантами, что изначально обуславливалось экономическими причинами, в частности, вопросами земельной собственности. Экономическое неравенство между двумя группами ирландцев проявлялось также в диспропорциональном развитии северной индустриальной части острова со смешанным протестантско-католическим населением, и остальной, католической и преимущественно аграрной, Ирландии. Католики также были исключены из политической жизни

общества, «до 1829 г. [их] близко не подпускали к государственной службе» [2, 27].

Впоследствии эти противоречия способствовали укреплению этнической направленности ирландского национализма. Несмотря на то, что в основе разделения лежал религиозный принцип, этнические корни населяющих Ирландию жителей также нашли широкое отражение в националистическом дискурсе. Идея ирландской нации представляла собой «живую, культурно отличную, автономную ... [нацию] донорманнского периода» [12, 56]. Религиозные и этнические различия всячески подчеркивались обеими сторонами. Так, например, архиепископ П. Каллен называл британскую администрацию «еретической властью» и считал, что протестанты не имеют право считаться ирландцами [7, 798–799]. Гэльское возрождение в конце XIX в. и создание Гэльской лиги также немало способствовало укреплению культурных различий жителей Ирландии. Англичане же называли ирландцев «белыми неграми» и «расой детей», а «кельтскую расу ... женственной» [15, 31–43], т.е. мистической, нелогичной и в целом неспособной к самостоятельному управлению.

В результате восстание 1798 г., положившее начало революционной борьбе за национальное строительство, к которому присоединились и католики, и протестанты, впоследствии стало представляться как исключительно католическое. Забылся и тот факт, что многие лидеры «Молодой Ирландии» также были протестантами. Некатолические жители острова постепенно стали терять право называться «ирландцами» (фении назовут это «десаксонизацией» Ирландии) [15, 24–46], а республиканские настроения начали превосходить по популярности движение за гомруль.

В то время как национальное движение в Европе во второй половине XIX в. отказывается от революционной борьбы, в Ирландии она, напротив, набирает обороты. В условиях, когда быть ирландцем означало быть «небританцем», любая попытка реформ без решения национального вопроса рассматривалась как предательство. Голоса ряда представителей ирландской диаспоры (а диаспора, как известно, сыграла существенную роль в разработке и реализации ирландской национальной идеи), таких, как Дж. Девой, призывавшим не к радикальным переменам, а к решению социальных вопросов [15, 127], звучали все тише. Даже представители левых кругов поддерживали националистические идеи, считая, что интернационализм отвлекает ирландских рабочих от их основной цели – прогнать британцев с острова. В целом, интернационализм не был присущ ирландской традиции.

Мейнстримные представители ирландского национализма, такие как А. Гриффит, соучредитель Шин Фейн, полагали, что «космополитическая ересь» [15, 47] только отнимает силы у борьбы. Поэтому даже тогда, когда революционный импульс несколько затухает в связи с решением земельного вопроса, ему придается новое ускорение. Для революционеров сохранение этого импульса было большим искушением, даже если это предполагало создание революци-

онных условий и отказ от социальных реформ и экономической модернизации [10, 468–470].

Католическая ориентация Ирландии также во многом способствовала сохранению консервативных традиций. Быть ирландцем по определению подразумевало быть католиком и, следовательно, приверженцем традиционных ценностей. Католические активисты отрицали все «социалистическое», а поскольку значительная часть католического духовенства происходила из крестьянства, поддержание тесных связей с ним было жизненно необходимо для революционеров.

Таким образом, при всей своей радикальности, ирландский национализм продолжает оставаться консервативным вплоть до Пасхального восстания 1916 г. Как отмечает Т. Гарвин, республиканская идеология была одновременно «модернизирующая» и «ностальгическая», совместившая язык социализма и ностальгию по романтизированному прошлому [10, 470]. Такое смешение революционных и консервативных ценностей во многом объясняется тем, что Великобритания была для ирландцев источником как реакции (противником которой была революционная идеология), так и модернизации и реформы (которую отрицала консервативная традиция). Представители различных кругов ирландского общества видели в национализме воплощение своих собственных ценностей, поэтому правые делали акцент на традиционных феодальных добродетелях, а левые – на антиимпериалистической (антибританской) борьбе.

Необходимость совместить противоположности объяснялась еще и тем, что революции требовалась социальная база, а ирландское общество (за исключением северной индустриальной части острова) было преимущественно аграрным. В то время как революционная традиция была сильна в городах, сельское население оставалось настроенным преимущественно консервативно. Поскольку «реакционными радикалами» были не столько рабочие, сколько ремесленники и зажиточные крестьяне, революционное движение защищало традиционные культурные ценности и общественные отношения тех, кто предоставлял базу революционного сопротивления.

Основные черты ирландского национализма продемонстрировал период с момента Пасхального восстания 1916 г. и до окончания гражданской войны в 1923 г., ставший периодом испытания его на прочность. Как отмечает Б. Нельсон, радикализм и милитаристское видение на долгие годы стали центральными в ирландской политике [15, 50]. В этом смысле конфликт в Северной Ирландии в конце 1960-х гг. стал лишь продолжением революционных традиций ирландского национализма.

В то время, когда в Европе зарождается «консервативная революция», ирландский национализм также продемонстрировал ряд черт, характерных для этого направления. Ирландская революционная традиция и прежде была во многом консервативной, а в начале XX в. революционеры зачастую использовали расистскую риторику. А. Гриффит, например, был известен своими анти-

семитскими высказываниями и протестами против набора «цветных» британцев в армию во время Первой мировой войны, считая, что равные права должны быть предоставлены «всем белым мужчинам» [15, 156]. Исходя из принципа равенства всех «белых» народов, Ирландия ранее поддержала буров в их войне с англичанами. Неудивительно, что Германия, как, впрочем, и любой враг Великобритании, виделась А. Гриффиту союзником в борьбе.

Пасхальное восстание 1916 г. стало символом победы радикальной республиканской традиции, представляемой к тому моменту партией Шин Фейн, политическим крылом ирландских националистов. Уже при основании Шин Фейн в 1905 г. эта партия сразу заявила о несовместимости собственных взглядов с Ирландской парламентской партией, выступавшей за сотрудничество с Великобританией. Однако, как утверждают исследователи, в действительности Шин Фейн не сыграла серьезной роли в подготовке восстания [15, 183], хотя впоследствии умело воспользовалась его результатами.

Само Пасхальное восстание, будучи самым значительным националистическим выступлением после восстания 1798 г. по реальным политическим результатам, было организовано членами Ирландского республиканского братства (ИРБ) и военизированной организацией Ирландские добровольцы (некоторые участники были членами обеих организаций). Восстание длилось всего шесть дней и само по себе не смогло привести к решению ирландского национального вопроса, однако оно внезапно, а возможно, и вполне ожидаемо, стало новым катализатором национального самосознания, превратив казненных лидеров национальной революции в мучеников.

Это обстоятельство возвращает к мысли об использовании революционных методов для подогрева затухающего националистического импульса. В конце XIX в. ИРБ теряет свои позиции, и республиканцы сталкиваются с трудностями в привлечении сторонников. С началом Первой мировой войны часть членов ИРБ поддержала Великобританию, и ирландские солдаты отправились служить в армии наряду с другими жителями Соединенного Королевства. П. Пирс и другие лидеры Пасхального восстания не могли не знать, что в условиях наметившегося раскола и с учетом британского военного превосходства, восстание не получит необходимой поддержки и будет неизбежно подавлено. Но национальная идея требовала поддержания образа врага в лице Великобритании. Жестокое подавление восстания привело к политической мобилизации в поддержку Шин Фейн, одержавшей в итоге убедительную победу на выборах и в 1919 г. сформировавшей ирландский парламент (Дейл Айрен). С момента принятия Декларации независимости 21 января 1919 г. начинается отсчет существования независимого ирландского государства, которому было еще суждено пройти через войну с Великобританией, гражданскую войну и разделение острова.

Приход к власти временного националистического правительства во главе с И. де Валера означал для Ирландии продолжение революционной борьбы.

В том же 1919 г. Ирландские волонтеры становятся Ирландской республиканской армией (ИРА). В то время как временное правительство требует вывода британских войск, ИРА ведет военные действия и проводит серию терактов против представителей британской администрации. К концу года в южной и центральной части острова разворачивается полномасштабная партизанская война, вооруженное восстание происходит и в Дублине.

Столкновения происходят не только с британскими военными, но и с протестантскими националистами Ольстера. Север был озабочен политическими победами Шин Фейн и опасался, что в единой и независимой Ирландии протестантское меньшинство не будет иметь политического представительства. Действительно, юнионисты (уже из их названия ясно, что они выступали за союз с Великобританией) не были представлены в Дейл Айрен, точнее, отказались в нем участвовать. Сложилась уникальная ситуация, когда в парламенте на первом этапе его существования была представлена только Шин Фейн.

В 1921 г., после выборов в Дублине, Белфаст провел свои собственные выборы, политически обосновав раскол Ирландии на два националистических лагеря. Этот раскол будет закреплён англо-ирландским договором 1921 г., выведшим из состава Ирландского свободного государства (просуществовавшего какое-то время еще и как британский доминион), шесть графств Северной Ирландии и сохранившим их в составе Королевства.

Мирный договор не изменил революционности ирландского национализма. Члены всех националистических организаций, в том числе тех, кто представлял их политическое крыло, привлекались из числа Ирландских добровольцев, и многие разделяли убеждение о необходимости вооруженной борьбы за объединение острова. Тем не менее, война с Великобританией давалась слишком большой ценой, и молодому государству требовалась передышка, с которой согласились не все. Договор с Великобританией привел к расколу в рядах Шин Фейн и ИРА по вопросу о будущем Северной Ирландии. И. де Валера выступил против соглашения, подписанного А. Гриффитом и М. Коллинзом, и отказался от поста президента.

В то время как ряд бойцов ИРА вступили в новую Национальную армию, некоторые части отказались перейти на сторону правительства, между ними начались вооруженные столкновения. Попытки договориться не увенчались успехом. Раскол Шин Фейн, безусловно, способствовал наметившемуся расколу в ИРА. Однако проблема заключалась еще и в том, что ИРА оставалась независимой от политических партий [13, 13]; это была революционная армия, имеющая опыт партизанской войны и отказывающаяся подчиняться правительству.

В этих условиях меньшая по численности Национальная армия воспользовалась поддержкой британской армии, в результате чего ИРА была вытеснена из Дублина и, постепенно теряя поддержку населения, вынуждена была отказаться от продолжения вооруженной борьбы. Привлечение извечного врага для подавления оппозиции продемонстрировало серьезные перемены в развитии

ирландского национализма. Договор с Великобританией был в конечном итоге ратифицирован, Северная Ирландия потеряна, и ирландское руководство столкнулось с первоочередными задачами государственного строительства. В этих условиях революционный национализм представлял скорее угрозу, хотя все еще мог оказаться полезным в привлечении поддержки населения. С 1925 г. ИРА стала подчиняться Дейл Айрен и приобрела большую власть и уважение, чем Шин Фейн. И. де Валера и другие лидеры, возглавлявшие оппозицию, сложили оружие, но выиграли идеологическую борьбу. Созданная ими в 1926 г. партия Фианна Файл («Солдаты судьбы») сразу получила значительную поддержку населения, а Шин Фейн припомнили британское вмешательство во время гражданской войны и потерю северной части острова. Таким образом, после окончания гражданской войны ведущая националистическая партия Шин Фейн потеряла свое влияние и на долгое время стала малозначимой политической силой.

В целом, развитие Шин Фейн «от мейнстримной до маргинальной и вновь до мейнстримной» [13, 7] партии на протяжении XX в. символизировало и развитие самого ирландского национализма в этот период. После гражданской войны происходит постепенный отход национализма от революционных методов, его обращение к собственным консервативным истокам. «Консерватизм, изоляционизм и избегание прогресса» [10, 496] были характерны для многих политических решений этого периода. В то время как национальное правительство продолжало демонстрировать свою приверженность гэльской культуре и особому культурному пути, экономически Ирландия сохранила собственную колониальную зависимость от Великобритании и «колониальный комплекс любви и ненависти» [10, 486] к метрополии, стараясь продемонстрировать ей надежность и стабильность новых политических институтов. Даже новые лидеры были не похожи на революционеров прошлого. У. Косгрейв, сменивший А. Гриффита на посту главы правительства старался быть консервативным во всем. Как отмечали современники, было «сложно представить кого-либо, кто менее всего похож на ... [представителя] Шин Фейн ... Он *не* революционер с горящими глазами» [6, 445].

При этом стремлении к стабильности необходимость экономических и социальных реформ по-прежнему воспринималось как «социалистическое» зло. Представители социалистического крыла ирландского национализма, по сути, проиграли политическую борьбу, главным образом из-за противоречий в собственных взглядах. Они так и не смогли синтезировать идеологии классовой и национальной борьбы или предложить практическое решение их совместимости, а также пересмотреть свое отношение к католической религии как основе нового ирландского государства [16, 291]. Левые республиканцы, будучи серьезной политической силой на заре национальной революции (о чем, например, свидетельствуют социалистические взгляды такого ведущего революционного лидера, как Дж. Коннелли), не смогли оказать существенного влияния на поли-

тику независимой Ирландии. Их идеи шли вразрез с идеями, сформировавшими ирландский национализм как «характер и судьбу ... крестьянина, католика, галла» [15, 255]. Перемены могли быть опасны для националистов, долгое время получавших импульс развития от социальных и культурных конфликтов. Теперь угрозой националистам становились уже не британцы, а социальные реформы.

Поэтому накануне Второй мировой войны Ирландия не стала ни социалистической, как надеялся Дж. Коннолли, ни гэльской, как того хотел П. Пирс; она даже не стала единой, как мечтали все революционеры. Север был потерян навсегда, левый экстремизм вспыхнул и погас в 1930-х, также как и исчез правый – с уходом из политической жизни «синерубашечников» [6, 444]. Ирландский национализм трансформировался и переставал быть революционным.

Тем не менее говорить о полном «разводе» ирландского национализма с революцией на этом этапе было бы преждевременно. Ирландские националисты всегда опасались, что конец революции может стать концом нации, и стремясь предотвратить свою политическую смерть, добивались продолжения (во многом искусственного) национальной революции в Северной Ирландии.

До того как революция переместилась на север, набирающая популярность партия Фианна Файл порвала отношения с ИРА, чем вызвала большое удивление, учитывая прежнюю приверженность И. де Валера революционной борьбе и его участие в гражданской войне на стороне оппозиции. Однако такой стратегический поворот был, очевидно, необходим для того, чтобы эффективно противостоять на выборах все еще сильной рабочей партии. Кроме того, ИРА продолжала использовать откровенно террористические методы (так, например, был убит министр внутренних дел К. О'Хиггинс), от которых И. де Валера предпочел дистанцироваться.

Последним коротким всплеском революционного национализма в Ирландском Свободном государстве стало движение «синерубашечников», которое возглавили ряд командиров запрещенной к тому времени ИРА. Этот всплеск в целом совпадает с развитием национал-социализма в Европе. Основными требованиями «синерубашечников» было объединение Ирландии, противодействие коммунизму и сохранение традиционных ценностей. К движению присоединились преимущественно зажиточные фермеры. Возглавившего движение Э. О'Даффи вдохновлял фашизм, отсюда и ряд черт, характерных для других фашистских и национал-социалистических движений того времени. Вскоре после первых маршей движение было запрещено из опасения, что оно сможет набрать популярность. И хотя сам Э. О'Даффи остался верен своим идеям (в частности, его Ирландская бригада сражалась на стороне Ф. Франко в Испании), движение постепенно влилось в другие националистические организации.

Новая Конституция Ирландии 1937 г., которая осталась максимально консервативной и «католической» (так, например, были запрещены разводы) [6,

455], при всей двойственности формулировок так и не признала окончательное разделение острова. Это открыло возможности для перемещения центра революционной борьбы на север. Более того, начавшаяся Вторая мировая война изменила приоритеты в вопросе объединения острова. Вступив в войну, Великобритания опасалась за безопасность собственных границ и нуждалась в гарантиях ирландской поддержки или, как минимум, нейтралитета. Она готова была пойти и на определенные уступки в решении вопроса о Северной Ирландии. Однако И. де Валера, возглавлявший правительство, не имел намерений поддерживать британцев, считая, что когда Германия одержит победу, вопрос об объединении острова можно будет решить без лишних оговорок. «Национализм, направленный внутрь себя» [15, 247], подогреваемый страхом перед очередным британским вмешательством, не позволил ирландскому правительству реально оценить открывшиеся возможности. Со временем взгляды ирландского руководства на сотрудничество с Германией изменились, однако момент был упущен. Оставшись нейтральной, Ирландия не пошла на то, чтобы открыть свои порты королевскому флоту, что в очередной раз укрепило Великобританию в правильности решения по разделению острова.

ИРА и вовсе открыто выступала за союз с нацистской Германией. К 1939 г. состав организации значительно изменился и помолодел. Не перейдя к политическим методам борьбы, организация исключила себя из процесса принятия решений и прибегала преимущественно к террористическим методам. Так, во время войны она проводила террористические операции в Великобритании, чем не облегчала ее взаимоотношения с Ирландией. Вероятность совместного сценария захвата острова, разработанного ИРА и Германией, не могла не пугать и правящую партию Ирландии. В результате чего репрессии в отношении бойцов ИРА имели место как на севере, так и на юге острова.

После окончания войны, во время недолгого отсутствия партии Фианна Файл у власти, ИРА переместила центр своей деятельности на север. Такой поворот устраивал ирландское правительство, которое, сохраняя националистическую риторику, могло не опасаться военных действий на собственной территории. Как уже отмечалось, такое продолжение революционной борьбы можно считать «искусственным» импульсом ирландскому национализму, который после Второй мировой войны и экономического кризиса начала 1950-х гг. окончательно изменился. «К лучшему или к худшему, Ирландия сейчас становится модернизирующейся страной, как и другие, – менее вдохновенной католицизмом или кампанией по спасению языка» [6, 477].

Ряд исследователей замечают, что модернизация лишь частично объясняет особенности ирландского национализма, и его отличия, например, от валлийского национализма [8, 379–380]. При этом большинство из них сходятся во мнении, что ключевую роль в формировании ирландского национализма сыграла главным образом экономическая отсталость острова, его колониальная зависимость от Великобритании, а также диспропорциональное развитие севера и

юга страны. Т. Гарвин, например, считает, что «радикальный национализм» в Ирландии был болезнью неравномерного развития, благодаря чему движение получило развитие не в индустриальном Ольстере, а в экономически менее развитом Манстере [10, 471–472]. Постепенное угасание национализма происходило на фоне экономической модернизации страны и ее вступлении в Европейские экономические сообщества, что в целом подтверждает этот вывод.

Однако именно нерешенный вопрос о статусе Северной Ирландии оставался камнем преткновения для националистов. И члены ИРА выбрали революционный путь. Продолжение традиций ирландского национализма как нельзя лучше отражает настенная фреска (мураль) на одном из зданий в католической части Белфаста. Изображение объединяет героя гэльских мифов Кухулина, кельтский крест как символ погибших героев Пасхального восстания 1916 г. и бойца современной ИРА. Это единство гэльских символов, национальных героев и революционной борьбы стало отличительной чертой идеологии ИРА [18].

С 1956 по 1962 гг. она проводит ряд военных операций, которые принесли политические дивиденды Шин Фейн [13, 14–15]. Впервые за многие годы некогда ведущая и, по существу, единственная националистическая партия Ирландии возобновила свою деятельность благодаря революционной деятельности ИРА, нуждавшейся в политическом представительстве. Однако Шин Фейн, созданная А. Гриффитом в 1905 г., и новая Шин Фейн были совершенно разными партиями. Под именем Шин Фейн действовали различные политические силы, объединенные только общими символами, но имевшие различные политические цели [16, 174]. Таким образом, даже националисты уже не были едины в своем революционном порыве.

В 1960-е гг. ИРА распадается на множество групп, которые используют методы партизанской войны на территории Северной Ирландии. К началу 1970-х, когда Великобритания посылает войска для подавления ее деятельности, ИРА активно проводит террористические акты как в Северной Ирландии, так и в Великобритании. Ответные меры британского правительства в этот период отличались чрезмерной репрессивностью (так, была расстреляна мирная демонстрация в Дерри) и лишь укрепили сочувствие католического населения севера к боевикам ИРА. Кроме того, ИРА была не единственной националистической группировкой, избравшей радикальные методы. Ольстерские добровольческие силы – юнионистская вооруженная группировка, существующая еще с 1913 г. – также проводит теракты, направленные против католиков в Северной Ирландии и в Республике Ирландия. Полиция Ольстера считала деятельность этой организации даже более опасной, чем деятельность ИРА, так как она никогда не предупреждала о предстоящих терактах, направленных главным образом на гражданское население [6, 489].

Все это время партия Шин Фейн играет роль политического крыла военизированной группировки. Однако ее отношение к методам борьбы в Северной Ирландии постепенно меняется. Несмотря на то, что католики Северной Ир-

ландии все еще страдали от непропорционального представительства в политической и экономической жизни страны, в 1963 г. в Белфасте был избран новый премьер-министр – католик – Т. О’Нил. И хотя его сменили сторонники более жестких действий, настроения на севере, уставшем от продолжительного конфликта, к середине 1980-х гг. начнут меняться.

Националисты на юге, все еще питавшие надежду на воссоединение, вскоре также начнут осознавать, что с момента разделения север и юг слишком отдалились не только в политическом, но также и в социально-экономическом отношении. Англо-ирландское соглашение 1985 г., подтверждавшее разделение острова, в очередной раз продемонстрировало желание ирландского правительства дистанцироваться от действий ИРА. Еще одним шагом стало подписание Европейской конвенции о пресечении терроризма, в соответствии с которым члены ИРА стали выдаваться Северной Ирландии, если совершили преступления на ее территории.

Завоевать электорат при сохранении роли ИРА было невозможно; в этих обстоятельствах Шин Фейн отказалась от продолжения сотрудничества и трансформировала свою националистическую программу. Впервые Шин Фейн заговорила о необходимости устранения разделения жителей острова на католиков и протестантов и решения общих задач, стоящих перед рабочим классом [13, 15–16] – как на севере, так и на юге острова. Давно забытые социалистические традиции ирландского национализма эхом отражаются в новой программе Шин Фейн. Не случайно, ее партнерами по мирному процессу в Северной Ирландии становятся социал-демократическая и лейбористская партии.

Призывы выиграть войну любыми способами меняются на требование права на самоопределение Северной Ирландии. Желание вписаться в новые политические реалии заставляет Шин Фейн предпринимать немислимые прежде шаги. Так, в 1985 г. Шин Фейн даже проводит дебаты по поводу того, разрешить или запретить аборт [13, 26]. Конечно, полностью от своих традиционных позиций она не отступила, но на пути обратно к «мейнстримности» и борьбе не только за собственный электорат, но и с правительством М. Тэтчер, Шин Фейн значительным образом трансформировала собственную риторику.

Переговорный процесс еще столкнется с серией проблем, но факт остается фактом: Великобритания будет вести переговоры именно с Шин Фейн, как единственной политической силой, способной гарантировать выполнение соглашения. Отказ Шин Фейн от революционных методов сыграл здесь ключевую роль.

Соглашение Страстной Пятницы 1998 г. стало «историей успеха» Шин Фейн с точки зрения расширения электората по обе стороны границы. Хотя сам Дж. Адамс, подписавший соглашение, потерял популярность в лагере националистов, под его руководством Шин Фейн заняла место на первых полосах газет, которые постепенно покинула ИРА.

Так же, как много лет назад, придя к власти, руководство Свободного Ирландского государства предпочло консервативные традиции, вытеснив революцию на север, новые ирландские националисты предпочли умеренную респектабельность радикализму ИРА. В 2005 г. ИРА, потерявшая поддержку Шин Фейн, формально объявила об окончании вооруженной борьбы. Смена революционной риторики на риторику неизбежности объединения острова мирным путем в рамках Соглашения помогла партии возглавить министерства в правительстве как Республики Ирландия, так и Северной Ирландии (где член Шин Фейн даже получил место вице-премьера). Выбор социально значимых министерств (например, образования) способствовал завоеванию левого электората.

Сегодняшний ирландский национализм в целом соответствует общеевропейским тенденциям развития национализма в постиндустриальном обществе [6, 444]. Он отказался от революционности, вытеснив ее за пределы даже таких групп, как Шин Фейн и ИРА, и продолжает существовать в ритме нового тура взаимодействия национализма и революции.

Взаимосвязь и развитие национализма и революции в Ирландии, отличное от других европейских наций, объясняется парадоксом колониальной зависимости, который был во многом преодолен после обретения независимости и проведения экономических реформ. Великобритания также изменила свои политические методы в отношении националистических движений, о чем, в частности, свидетельствует проведение референдума в Шотландии. Но сохранение экономической зависимости острова и статус Северной Ирландии по-прежнему дает основания полагать, что возможен новый тур взаимодействия ирландского национализма и революции.

Библиографический список

1. Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х–начала 1930-х годов (проблемы интерпретации) // Полис. 2003. № 4. С. 94–107.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
3. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.
4. Сокольская И.Б. Консервативна ли консервативная революция? // Полис. 1999. №6. С.119–128.
5. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. 306 с.
6. Bew P. Ireland: The Politics of Enmity, 1789-2006. Oxford: OUP Premium, 2007. 613 p.
7. Biagini E. Liberty and Nationalism in Ireland, 1798–1922 // The Historical Journal. 2008. № 51(3). P. 793–809.
8. Boyce D. Nationalism in Ireland (3rd ed.). London; N. Y.: Routledge, 1995. 499 p.

9. Engles to Marx in London / Karl Marx, Frederick Engels: Collected works. 1869. Vol.43. URL: http://theoccupiedtimes.org/marx/works/1869/letters/69_12_09.htm.
10. *Garvin T.* The Anatomy of a Nationalist Revolution: Ireland 1858–1928 // *Comparative Studies in Society and History*. 1986. № 28 (3). P. 468–501.
11. *Hobsbawm E.* The age of revolution 1789-1848. N. Y.: New American Library, 1962. 416 p.
12. *Hutchinson J.* The Dynamics of Cultural Nationalism: The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. London; Boston: Allen & Unwin, 1987. 343 p.
13. *Maillot A.* New Sinn Fein. Hoboken: Taylor and Francis, 2012. 212 p.
14. *Marx K.* Communist Manifesto. S.l.: Pluto Press. 2008. 115 p.
15. *Nelson B.* Irish Nationalists and the Making of the Irish Race. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2012. 333 p.
16. *Ó Broin E.* Sinn Féin and the Politics of Left Republicanism. London: Pluto Press, 2009. 343 p.
17. *Smith A.* Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. 33 (1-2). P. 58–80.
18. Whose Cú Chulainn? URL: http://www.iisresource.org/Documents/Whose_Cu_Chulainn.pdf

NATIONALISM AND REVOLUTION: THE CASE OF IRELAND

A.V. Kuznetsova

Senior Lecturer, Department of Social and Political Conflict Resolution Studies,
Kazan National Research Technological University

The article examines various stages of mutual development and interaction of nationalism and revolution in Ireland. From its very origin, Irish nationalism has been ignoring common European tendencies and uniquely combining revolutionary and conservative values. The author concludes that the peculiarities of the combination of nationalism and revolution in Ireland can be explained by the colonial paradox.

Keywords: Irish nationalism; revolutionary nationalism.

References:

1. *Allenov S.G.* “Conservative revolution” in Germany in 1920s - early 1930s (problems of interpretation) // *Polis*. 2003. №4. P.94-107. (In Rus.).
2. *Anderson B.* Imagined Communities. M.: KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2011. 288 p. (In Rus.).
3. *Bew P.* Ireland: The Politics of Enmity, 1789-2006. Oxford: OUP Premium. 2007. 613 p. (In English).

4. *Biagini E.* Liberty and Nationalism in Ireland, 1798–1922 // *The Historical Journal*. 2008. № 51(3). P. 793-809. (In English).
5. *Boyce D.* Nationalism in Ireland (3rd ed.). London; New York: Routledge. 1995. 499 p. (In English).
6. Engles to Marx in London / Karl Marx, Frederick Engel : Collected works. 1869. Vol. 43. Available at: http://theoccupiedtimes.org/marx/works/1869/letters/69_12_09.htm (In English).
7. *Garvin T.* The Anatomy of a Nationalist Revolution: Ireland 1858-1928. – *Comparative Studies in Society and History*. 1986. Vol.28 No.3. P. 468-501. (In English).
8. *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. SPb.: Aleteya, 1998. 306 p. (In Rus.).
9. *Hobsbawm E.* The age of revolution 1789-1848. New York: New American Library. 1962. 416 p. (In English).
10. *Hutchinson J.* The Dynamics of Cultural Nationalism: The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. London; Boston: Allen & Unwin. 1987. 343 p. (In English).
11. *Maillot A.* New Sinn Fein. Hoboken: Taylor and Francis. 2012. 212 p. (In English).
12. *Marx K.* Communist Manifesto. S.l.: Pluto Press. 2008. 115 p. (In English).
13. *Nelson B.* Irish Nationalists and the Making of the Irish Race. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 2012. 333 p. (In English).
14. *Ó Broin E.* Sinn Féin and the Politics of Left Republicanism. London: Pluto Press. 2009. 343 p. (In English).
15. *Smith A.D.* Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. M.: Praksis, 2004. 464 p. (In Rus.)
16. *Smith A.* Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. 33 (1-2). P. 58-80. (In English).
17. *Sokolskaya I.B.* Is conservative revolution conservative? // *Polis*. 1999. №6. P.119 – 128. (In Rus.).
18. Whose Cú Chulainn? Available at: http://www.iisresource.org/Documents/Whose_Cu_Chulainn.pdf. (In English).